

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.7>

UDC 811.161.1'04
LBC 81.411.2-03

Submitted: 11.01.2022
Accepted: 20.06.2022

THE MARITIME CHARTER OF 1720: FUNCTIONAL-AND-COMMUNICATIVE CONDITIONALITY OF LANGUAGE MEANS

Svetlana V. Rusanova

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article focuses on the study of the language of the Maritime Charter of 1720 that was one of the key legislative acts, which enabled the development and consolidation of the new methods of combining heterogeneous linguistic means. The applied methods aimed at implementation of certain communicative tasks. The correlation between the variety of language means and techniques with argumentativeness, imperativeness and impact of the text has been proved. The research touches upon the issues of special vocabulary and the ways of including it in the language of the Charter. The proposed methods of interpreting new terms range from synonymous substitutions to encyclopedic definitions. The tendency to functional differentiation of the means of expressing imperativeness and the modality of duty in particular has been revealed. Western European legal documentation tradition is noted to have influenced the formation of the wide range of modal means. However, the Russian legislators tried to take into account the pragmatic needs of official business communication and the semantic and stylistic potential of competing lexical modifiers of modality. The research has resulted in the discovery of the peculiarity, which acquired the linguistic explication in the text of the Charter. Namely, it is the conceptually important attitude of legislators not only to the external side of performing the duties and enforcing the order, but also its internal motivation based on the moral foundation.

Key words: Russian language history, business language of Peter the Great period, legislative act, Maritime Charter, text categories, genre-and-stylistic features.

Citation. Rusanova S.V. The Maritime Charter of 1720: Functional-and-Communicative Conditionality of Language Means. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 6, pp. 88-99. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.7>

УДК 811.161.1'04
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 11.01.2022
Дата принятия статьи: 20.06.2022

МОРСКОЙ УСТАВ 1720 г.: ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ

Светлана Владимировна Русанова

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию языка Морского устава 1720 г., одного из ключевых законодательных актов, в рамках которых вырабатывались и закреплялись новые приемы сочетания разнородных языковых средств, направленных на реализацию определенных коммуникативных задач. Установлена связь многообразия языковых средств и приемов с такими способами речевого воздействия, как убеждение, побуждение и внушение. Охарактеризованы специальная лексика и способы ее включения в языковое пространство устава: приемы толкования новых терминов варьируются от глосс и синонимических замен до дефиниций энциклопедического типа. Выявлена тенденция к функциональной дифференциации средств выражения императивности, в частности модальности долженствования. Показано, что широкий спектр модальных средств формировался под влиянием лучших образцов западноевропейского юридического права, при этом в тексте Морского устава такие средства использованы с учетом коммуникативно-прагматических потребностей офи-

циально-делового общения и семантико-стилистического потенциала конкурирующих лексических модификаторов модальности. В результате проведенного исследования обнаружена концептуально важная установка законодателей на языковую экспликацию не только внешней стороны исполнения обязанностей и соблюдения порядка, но и внутренней их мотивации, опирающейся на духовно-нравственные устои общества.

Ключевые слова: история русского языка, деловой язык Петровской эпохи, законодательный акт, Морской устав, текстовые категории, жанрово-стилистические особенности.

Цитирование. Русанова С. В. Морской устав 1720 г.: функционально-коммуникативная обусловленность языковых средств // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 6. – С. 88–99. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.7>

Введение

В исследованиях, посвященных деловому языку XVIII в., выделяются два «узловых уровня его функционирования» – официально-законодательный и обиходно-производственный [Косов, 2004, с. 49]; «образцовому» деловому языку документов высших правительственных учреждений противопоставляется деловой язык «обиходного» общения, на котором велось текущее делопроизводство на местах [Чердниченко, 1990, с. 87–88], норме языка центрального делопроизводства – региональный узус деловой письменности [Майоров, 2006, с. 25, 72]. Закономерно, что в центре внимания в первую очередь оказываются региональные документы как отражающие общие стилистические тенденции и разнообразие местных языковых черт. Сегодня к традиционным аспектам исследования местных источников прибавляются новые, выдвинутые временем, в частности составление лингвистических корпусов региональных деловых текстов, в связи с чем разрабатывается комплексная методика членения документов для их структурной разметки, базирующаяся на их жанровой параметризации и синтаксической сегментации [Горбань, Косова, Шептухина, 2021].

В последние десятилетия активизировался также процесс специального изучения языка законодательных актов (см.: [Копосов, 2014; Никитин, 2003; Руднев, Пушкарева, 2021; Русанова, 2016; 2019; Садова, Руднев, 2019; Садова, 2021]), позволяющий сосредоточить внимание лингвистов на нескольких других задачах и аспектах исследования. Если при изучении региональной деловой письменности XVIII в. особый интерес представляют пути освоения нового делового стандарта, адаптация новых терминов и взаимодействие книж-

ных, приказных и местных языковых элементов, то среди аспектов исследования языка законодательных актов актуальными оказываются такие, как понимание механизмов создания деловых текстов нового типа, поиск способов актуализации языкового потенциала, накопленного письменной языковой традицией, причем не только приказной, но и книжной, выработка новых приемов сочетания разнородных языковых средств в пространстве одного текста, направленных на реализацию коммуникативно-прагматических установок в рамках того или иного документа.

Среди многообразия вопросов, связанных с исследованием языка законодательных актов XVIII в., особое место занимают два: 1) каковы степень их оригинальности и источники заимствования, ибо известно, что регламенты, уставы, артикулы, инструкции и наставления в большинстве своем опирались на лучшие образцы европейского законодательного творчества; 2) каков характер взаимодействия книжных и приказных элементов, церковнославянских и разговорных языковых средств, поскольку это взаимодействие определяло тенденции развития официально-делового языка эпохи. Сегодня становится ясным, что активно использующиеся в официально-деловых документах XVIII в. книжные, приказные, народно-разговорные средства «не были бессмысленным нагромождением генетически разнородных языковых элементов, но свидетельствовали о последовательном процессе поиска нормы деловой коммуникации, отвечающей прагматике конкретного жанра» [Садова, 2021, с. 10].

Материал и методы

Ярким образцом, демонстрирующим установку на синтез генетически разнородных

языковых средств, направленных на точность и логичность выражения мысли, являются ключевые законодательные документы Петровской эпохи, среди которых Морской устав 1720 г., один из долговечных документов, действовавший без изменений вплоть до 1797 г. и сохранивший силу до 1853 г., когда был издан новый устав.

Морской устав 1720 г. (далее – Книга УМ) определял организационные принципы регулярного флота, методы обучения и воспитания личного состава, способы ведения вооруженной борьбы силами флота на море и поэтому оказывался объектом исследования прежде всего историков [Акишин, 2020а; 2020б; Кротов, 2001; Сальман, 1955; Хуссен, 1999]. Прототипом устава, по мнению специалистов, послужил шведский документ, однако опирались российские законодатели на ряд лучших образцов европейского законодательства.

Сравнительное изучение нормативных предписаний Морского устава с военноморским законодательством стран Европы, использованным при его разработке, приводит исследователей к выводу, что законодатель, во-первых, творчески переработал зарубежный правовой материал¹; во-вторых, сохранил и закрепил в Морском уставе уже сложившуюся организацию российского военноморского флота и обозначавшую ее терминосистему; в-третьих, «внес в Морской устав ряд нормативных предписаний, отвечавших специфике России. Структура и юридический язык Морского устава были построены в соответствии с правилами логики и отличались высоким для своего времени уровнем законодательной техники» [Акишин, 2020б, с. 28], который, безусловно, не мог быть достигнут без должного уровня языкового оформления.

В работе используются описательный метод, контекстуальный анализ и анализ словарных дефиниций, приемы количественных подсчетов и интерпретации.

Результаты и обсуждение

Новаторский характер языка устава, базовым для которого, как и для других законодательных актов Петровской эпохи, стал новый принцип отбора языковых средств, осо-

бенно ярко обнаруживается при анализе таких текстовых категорий, как аргументативность, императивность и суггестивность, отражающих основные способы речевого воздействия – убеждение, внушение, побуждение.

Опираясь на исследование Е.В. Шелестюк, уточним, что аргументативность предполагает использование логико-риторических приемов и средств, способствующих убеждению; императивность – присутствие в тексте языковых средств со значением побуждения (волеизъявления); суггестивность – наличие в языковой ткани текста специфически маркированных компонентов и структур, косвенно, через бессознательное, способствующих реализации целеустановки адресанта [Шелестюк, 2008, с. 171–174].

Ключевыми средствами организации языкового пространства устава, направленными на реализацию перечисленных категорий в тексте, являются единицы пересекающихся лексико-семантических и структурно-стилистических систем, связанных с разными языковыми традициями.

Лексическая информативность Морского устава как регламента специальной сферы деятельности

Аргументативность исследуемого текста связана прежде всего со сферой профессиональной компетенции и определяется информативностью, включающей в себя информационную насыщенность и новизну. М.О. Акишиным установлено, что ядро юридического языка устава образует военно-морская терминология, сформировавшаяся в годы Северной войны. Основу данной терминосистемы составили, с одной стороны, лексемы морского языка Древней Руси X–XII вв. (*корабль, палуба, парус, корма* и др.), с другой – обширные заимствования морских терминов из европейских языков [Акишин, 2020б, с. 25]. Как отмечает исследователь, в силу перспективного планирования военноморского законодательства, ко времени начала подготовки Морского устава 1720 г. использование военно-морской терминосистемы не представляло уже затруднений для русских моряков [Акишин, 2020б, с. 25]. Уточняются или формулируются дефиниции только отдельных терминов и поня-

тий. Большинство специальных лексем употребляется в уставе без каких-либо сопровождающих их объяснений. Например, уже в первом разделе первой части при характеристике флота встречаются *эшквдра*, *авангардъ*, *ариргардъ*, *дивизия*, *консилия*² (Книга УМ).

Термины могут включаться в текст в виде своеобразных словников, сформированных по принципу тематического единства и семантической близости. В качестве примера можно привести предваряющий первую главу список чинов офицеров и прочих морских служащих в соответствии с рангами военных кораблей, составленный в виде регламента и включающий в себя 43 номинативные единицы (Книга УМ, Регламентъ).

Введение концептуально значимых понятий и терминов может сопровождаться глоссами, синонимическими заменами, определяющими или уточняющими их значение:

- (1) какимъ образомъ **присягу** или обещание чинить³ (Книга УМ, Присяга);
- (2) доброго **кондуита** (сиречь всякия годности) котораго бы **квалитеты** (или качества) (Книга УМ, с. 2);
- (3) и былъ бы въ такои **дистанции** (разстоянии) отъ него, да бы во всемъ флоте его видеть мочно было (Книга УМ, с. 8);
- (4) Кто **пасквили**, или ругательные письма таино сочинить (Книга УМ, с. 148);
- (5) Чернильного набору или **специ**, изъ чего чернила делать (Книга УМ, с. 164).

Подобный прием введения новых понятий широко применялся в законодательной практике этого периода.

Иногда толкование может иметь характер энциклопедической словарной статьи. Ср.:

- (6) Флотъ слово есть французское. Симъ словомъ разумеется множество судовъ водныхъ вместе идущихъ или стоящихъ, какъ воинскихъ, так и купецкихъ. Флотъ военный, аще многое число кораблей разделяется в три главные или генеральные Эшквдры; Первая Кордебаталии; Вторая, Авангардъ; Третья Ариргардъ, и сии паки делятся, каждая на три партикулярные дивизии яко следуетъ (Книга УМ, О флоте).

Определением наименований лиц по воинскому званию и воинской должности служит

перечисление функций и обязанностей, которые должны выполнять те или иные офицеры или рядовые. Например, *констапель* принимает *все артиллерийския вещи на карабль, и репортуетъ секретаря. А по возвращении въ портъ, отдаетъ все остаточное въ магазиинъ, должен перемерять ядры... и расположить их на карабле по своим местамъ, осматривать порох при приеме, определять людей к пушкам* (Книга УМ, с. 69–72).

Кроме терминов, связанных непосредственно с военно-морской деятельностью, устав включает также лексико-семантические группы, отражающие области, важные для функционирования морского флота. Так, к формам табелей судовой отчетности в конце Морского устава приводятся списки наименований следующих необходимых на корабле припасов и инструментов, учет которых и отчетность по которым должны вестись по предлагаемым формам: *секретарские припасы* (Книга УМ, с. 164–166), *констапельские припасы* (Книга УМ, с. 169–172), *комиссарские припасы* (Книга УМ, с. 174–176), *лекарские припасы и инструменты* (Книга УМ, с. 182–186), *шихпорские припасы* (Книга УМ, с. 188–196), *штюрманские припасы* (Книга УМ, с. 198–200). В ряду обязательных перечисляются и *священнические припасы* (Книга УМ, с. 178–180).

Императивная тональность устава и средства ее актуализации

Императивная тональность устава как законодательного документа обеспечивается прежде всего церковнославянскими средствами, употребление которых в деловом языке Петровской эпохи, как известно, приобретает семиотический характер – они становятся знаками новой официально-деловой речевой культуры.

Важность предписаний актуализируется в первую очередь конструкциями с книжно-славянскими союзами, частицами, указательными местоимениями, среди которых особое место, в силу жанровой специфики, занимают подчинительные союзы: условный – *ежели*, причинные – *понеже*, *ибо*, целевой – *дабы*. Следует отметить широкое ис-

пользование слов с церковнославянскими фонетико-орфографическими чертами и слов, образованных по церковнославянским словообразовательным моделям:

(7) И понеже сие дело необходимо нужное есть Государству... того ради сеи воинской Морской уставъ учинили, да бы всякой зная свою должность, и неведениемъ никтобъ не отговаривался (Книга УМ, Прембула);

(8) И понеже корень всему злу есть сребролюбие, того для всякъ командующии аншефтъ должень блюсти себя отъ лихоимства. И не точию блюсти, но и другихъ отъ оногo жестоко унимать и доволствоваца определенымъ (Книга УМ, с. 3);

(9) Аншефтъ командирующему надлежитъ по крайней возможности тщатися такъ взойти, да бы неприятель у него всегда подъ ветромъ былъ (Книга УМ, с. 9);

(10) А ежели во время своего караула, такой обрящется кроме вышеписанныхъ случаевъ, тотъ такожь живота лишень или на галеру вечно, или долговременно посланъ быть имеетъ, по важности вины (Книга УМ, с. 126).

Причем соотношение конструкций с книжными и аналогичными приказными средствами связи в главах, посвященных разным аспектам военно-морской службы, различается. Так, в первой главе первой книги «О Генерале Адмирале и всякомъ Аншефтъ командирующемъ» (Книга УМ, с. 1) на 23 конструкции с союзом *ежели* приходится 7 конструкций с союзом *есть ли* и 1 конструкция с союзом *буде* (Книга УМ, с. 1–11). В первой же главе пятой книги «О злоумышленныхъ противъ Его Царскаго Величества, и о противящихся командиромъ своимъ, или кто оныхъ поносить будетъ» (Книга УМ, с. 115–121) пропорция синтаксических средств, обслуживающих условные отношения, меняется: *ежели* встречается 7 раз, *есть ли* – 7, *буде* – 3. Активно для экспликации условно-следственных отношений используются конструкции с бессоюзным оформлением. Например:

(11) Кто противъ Его Величества особы, хулительными словами погрешить... оныи имеетъ быть живота лишень (Книга УМ, с. 115);

(12) Кто Адмирала и прочьыхъ вышнихъ начальниковъ бранными словами поносить, и предъсудительные слова ихъ чести касающыяся говорить будетъ, тотъ имеетъ телеснымъ наказаниемъ наказанъ быть, или живота лишень по силе вины (Книга УМ, с. 116);

(13) А кто противъ того погрешить, живота будетъ лишень (Книга УМ, с. 117).

Особого внимания заслуживают способы и приемы актуализации в уставе модального значения долженствования.

Как известно, в приказной письменной традиции основным способом экспликации императивной модальности являются безличные инфинитивные конструкции [Ремнева, 2003, с. 266, 293]. Они встречаются в Морском уставе, но не претендуют на доминирующую роль. Наряду с приказной инфинитивной конструкцией используются конструкции с рядом лексических модификаторов: «*должен* + инфинитив», «*повинен* + инфинитив», «*имеет* + инфинитив», «*надлежит* + инфинитив», «*долженствует* + инфинитив», «*надобно* + инфинитив», «*да не дерзнет / дерзает* + инфинитив», «*следует* + инфинитив». Столь широкий спектр модальных средств свидетельствует о серьезной работе по формированию актуального для официально-делового дискурса модального поля долженствования. Закономерно предположить, что лексико-грамматические варианты, использующиеся при создании ключевых законодательных актов, изначально были обусловлены языковыми особенностями выражения модальности в лучших образцах западноевропейского юридического права, на которые ориентировались российские законодатели. Однако в языковом пространстве русских документов очень быстро обнаруживается тенденция к дифференцированному употреблению данных вариантов, учитывающему семантико-стилистический потенциал конкурирующих лексических модификаторов и коммуникативно-прагматические потребности официально-делового общения. Не углубляясь в процесс дифференциации перечисленных средств выражения модальности долженствования и необходимости, что, безусловно, требует самостоятельного исследования, в настоящей статье остановимся только на некоторых особенностях их функционирования.

В Воинском уставе 1716 г., по наблюдениям Т.С. Садовой, основными средствами выражения модальности необходимости / обязательности являются императивные формулы с модальными модификаторами *надле-*

жит и *должен*, которые встречаются соответственно в 141 и 87 контекстах [Садова, 2021, с. 8]. Частотными указанные лексические модификаторы оказываются и в Морском уставе, однако следует отметить, что количество словоупотреблений этих и других модальных экспликативов по главам варьируется, и это варьирование, с нашей точки зрения, обнаруживает определенную закономерность, свидетельствующую о тенденции к контекстуальной и функциональной мотивированности большинства используемых формул. В уже упомянутой ранее первой главе первой книги, посвященной обязанностям командующего флотом, конструкция «*должен* + инфинитив» встречается в 21 контексте, конструкция «*надлежит* + инфинитив» – в 18 контекстах, все остальные лексические модификаторы отмечены единичными случаями. В то же время в первой главе пятой книги о злоумышлениях конструкция «*должен* + инфинитив» используется всего лишь в 7 контекстах, «*надлежит* + инфинитив» – в 1 контексте. В 17 контекстах экспликативом модальности долженствования выступает императивная формула «*имеет* + инфинитив», в 13 – условно-будущая конструкция с предикативным страдательным кратким причастием, в 5 контек-

стах – императивная формула «*да не дерзнет / дерзает* + инфинитив».

Обращает на себя внимание еще одна особенность: внутри глав в рамках отдельных тематических блоков также обнаруживается смысловая зависимость лексического модификатора от контекста. В параграфах, посвященных командующему флотом, в тех случаях, когда речь идет об ответственности командующего за свои действия и поступки, которые он обязан выполнять по долгу службы, используется конструкция «*должен* + инфинитив». При описании же случаев, когда командующий, как руководящее лицо, несет ответственность за действия подчиненных (сюда же относятся и коллегиальные решения во время «консилиев», которыми он должен руководить), используется безличная модальная формула «*надлежит* + инфинитив».

Приведем для наглядности в таблице примеры, отражающие контекстуальные особенности функционирования в первой главе устава двух лексических модальных модификаторов *должен* и *надлежит*, эксплицирующих должностные обязанности командующего флотом.

Вопрос о средствах выражения необходимости и долженствования в законодательном языке первой четверти XVIII в., безус-

Примеры функционирования лексических модальных модификаторов *должен* и *надлежит*

The functioning of lexical modal modifiers *dolzhen* and *nadlezhit*: examples

<i>должен</i> + инфинитив	<i>надлежит</i> + инфинитив
Генераль Адмиралъ или Аншефтъ командующии... <i>долженъ репортовать</i> о всемъ своего Государя и воинскую Коллегию, и за все ответъ дать (Книга УМ, с. 2); Указы все не точию над какой надъ неприятелемъ экспедиции, но и въ своей команде, ежели что важное, <i>долженъ давать</i> на письме (Книга УМ, с. 2); И понеже корень всему злу есть сребролюбие, того для всякъ командующии аншефтъ, <i>долженъ блюсти</i> себя от лихоимства (Книга УМ, с. 3); Командующии аншефтъ, не <i>долженъ чинить</i> никакой отмены или льготы во очереди офицеровъ, во откомандировании кораблей для какой нибудь экспедиции. <...> И <i>долженъ блюсти</i> паче интересъ Государства, нежели рангъ офицеровъ (Книга УМ, с. 5); Когда случаи будутъ откомандировать сколько шлюпокъ или ботовъ, тогда аншефтъ командующии <i>долженъ</i> офицера <i>послать</i> для команды над оными (Книга УМ, с. 5); Аншефтъ командующии <i>долженъ давать</i> некоторые сигналы партикулярнымъ караблямъ всемъ (Книга УМ, с. 11).	Такожде <i>надлежитъ</i> частыя консилии <i>иметь</i> , сколько время и случаи допустить, объ управлении дела врученнаго ему и о порядке людямъ, подъ штрафомъ вычета полумсячнаго жалования (Книга УМ, с. 3); Такожь <i>надлежитъ смотреть</i> , дабы воинские суда право отправлялись... И когда какой неправой судъ учинитца, тогда оныхъ судей <i>судить надлежитъ</i> (Книга УМ, с. 3); Тако и въ воиске командующии есть отцомъ оныхъ, которыхъ <i>надлежитъ любить, снабдевать</i> , за прегрешение <i>наказывать</i> (Книга УМ, с. 3); ...Самому съ своимъ кораблемъ нескоро поворачиватца, но <i>надлежитъ дать</i> доволное время протчимъ для исправления въ поворачивании (Книга УМ, с. 4); <i>Надлежитъ</i> каждому аншефтъ командующему <i>смотреть</i> , да бы во время бою съ неприятелемъ не иметь никакихъ ластовыхъ судовъ, да бы не было отъ того какой конфузии (Книга УМ, с. 4–5); Ежели флотъ приидеть на якорь, на которой редъ (sic!), тогда всемъ мелкимъ воинскимъ и ластовымъ и маркитанскимъ судамъ следующимъ за флотомъ становитца съ безопасной стороны от флота... Въ чемъ <i>надлежитъ</i> аншефтъ командующему накрепко <i>смотреть</i> , подъ жестокимъ ответомъ (Книга УМ, с. 4).

ловно, требует дальнейшего разностороннего изучения. Д.В. Руднев, Н.В. Пушкарева, исследующие средства выражения императивности в Петровских регламентах, акцентируют, например, внимание на активном употреблении интенсификаторов для усиления императивной тональности, прежде всего наречий и наречных сочетаний, объясняя это новизной регламентирующих текстов и опасением государя, что «такие тексты не будут в полной мере эффективны как средство управления» [Руднев, Пушкарева, 2021, с. 46]. Однако типичным для регламентов оказывается и стремление адресанта убедить адресата в необходимости исполнения предписываемых действий посредством разъяснения, в частности многочисленных толкований к артикулам, которые либо выделяются графически, либо включаются в текст [Руднев, Пушкарева, 2021, с. 45–46].

Оценочность и эмоциональность речи

Указанный аспект тесно связан с еще одной важной текстовой категорией Морского устава – суггестивностью, средства которой основаны прежде всего на эмоциональном и оценочном компонентах и способствуют достижению внушающего эффекта: они опираются на накопленный культурный опыт, на стереотипы народного сознания, традиции и обычаи, отраженные в пословицах, поговорках, устойчивых выражениях, книжных цитатах, формирующих прецедентный фонд языка. Торжественно-возвышенный пафос устава направлен на главное – и офицер, и простой служащий должны демонстрировать не только высокие профессиональные, но и высокие моральные качества, а также преданность интересам государя и государства.

В преамбуле Морского устава значение военного флота для государя толкуется по «присловице: что всякой потентантъ, которой едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а которой и флотъ имеет, обе руки имеет» (Книга УМ, Преамбула)⁴. Особая роль в боевой способности флота, создании здорового климата среди служащих, формировании их профессионализма и высоких нравственных качеств принадлежит командующему флотом – генерал-адмиралу, или аншеф ко-

манующему, который «есть репрезентация своего Государя» и поэтому должен обладать важнейшими человеческими и профессиональными качествами, приводить в порядок людей не только твердыми указами, «но паче образомъ своего жития, ежели благо поступить» (Книга УМ, с. 2). Далее описание качеств командующего идет с нарастанием экспрессии; восхищает поэтичность создаваемого образа, ритмико-синтаксическая организация текста, использование стилистических фигур и тропов, усиливающих экспрессивность высказывания. Ср.:

(14) Его храбрость сочиняетъ всехъ храбрыхъ, Его справедливость, страшитъ всемъ попользоване, Его ревность послушание. Его ревность сочиняетъ всехъ ревнительныхъ. Единымъ словомъ: вышнии командиръ какъ душа въ теле человека, безъ которой ни какои удь двинути не можетъ. Ему надлежитъ къ подчиненнымъ быть яко отцу, пешица о ихъ доволстве, жалобы ихъ слушать, и во оныхъ правои судъ иметь (Книга УМ, с. 2);

(15) Командующий «долженъ блости себя отъ лихоимства» и «похлебства», ибо в противном случае «таковыи храмину свою на песке созидаетъ безъ твердаго основания, и всегда готова къ падению, понеже ничто такъ люди ко злу не приводитъ, какъ слабая команда» (Книга УМ, с. 3)⁵.

Регламентация должностных обязанностей разных чинов сопрягается часто с уточнением характера и качества выполнения действий, меры и степени профессионализма как офицеров, так и других служащих. Столь же важной оказывается и оценка исполнения регламентируемых обязанностей, поощрение за «добрые» дела и наказание за «злые». С установкой на синтез профессиональных качеств и высокого морально-нравственного духа служащих морского флота связан, на наш взгляд, такой стилистический прием, как употребление синонимических пар с ярко выраженным коннотативным компонентом. Ср.:

(16) И долженъ везде, и во всякихъ случаяхъ Интересъ Его Величества и государства **престерегать и охранять** (Книга УМ, Присяга);

(17) И все протчее что къ пользе Его Величества, и его государства, чинитъ по доброй Христианской совести, безъ **обману и лукавства** (Книга УМ, Присяга);

(18) Какъ Адмиралъ, такъ и протчие вышние и нижние Офицеры, должны охранять со всякимъ

тщанием и ревностно Интересь своего Государя и Государства (Книга УМ, кн. 1, гл. 1, с. 1);

(19) А когда послабить, то темь по времени въ непослушание оныхъ приведетъ, изъ добрыхъ, злыхъ сочинить и **нерадетелныхъ и въ своемъ звании оплошныхъ** (Книга УМ, кн. 1, гл. 1, с. 3–4);

(20) чего ради вверяетца его **искусству и верности** повелевать своими Офицерами, и прочими того карабля служителями (Книга УМ, кн. 3, гл. 1, с. 31);

(21) И должень пещися, чтобъ на карабле, которой ему поручень будетъ въ команду, **праведно и порядочно** поступать по указомъ следующимъ (Книга УМ, кн. 3, гл. 1, с. 31).

Формально такие синонимические пары служат для эмоциональной экспрессивности речи, усиления значения необходимого действия или признака, определенного отношения к ним. Однако связь между элементами пар представляется нам более глубокой, концептуально мотивированной. Выбор синонимов подчинен четкому алгоритму: один из членов пары акцентирует внимание на внешнем проявлении действия, его результатов или признаков в соответствии с регламентируемыми должностными обязанностями (*тщание, без обману, (не)оплошный, искусство, порядочно*), а второй – на внутренней мотивации действия, его духовной, морально-нравственной обусловленности (*ревность, без лукавства, (не)радетельный, верность, праведно*). Дополнительная смысловая нагрузка используемых синонимов обусловлена их лексико-семантической спецификой, о чем свидетельствуют словарные дефиниции. Рассмотрим несколько примеров.

Так, лексемы *тщание* и *ревность*, встречающиеся в предложении *Какъ Адмиралъ, такъ и протчие вышние и нижние Офицеры, должны охранять со всякимъ тщаниемъ и ревностно Интересь своего Государя и Государства*, согласно «Словарю русского языка XI–XVII вв.», образуют синонимическую пару в одном из своих значений. Ср.: *тщание* во втором значении «усердие, старание, рвение» (СлРЯ XI–XVII, вып. 30, с. 239), *ревность* в первом значении «рвение, пылкое усердие; горячее стремление (к чему-либо великому)» (СлРЯ XI–XVII, вып. 22, с. 129). Показательными являются оттенки данных значений, а также соотносительность последних с другими значениями слов

и контексты употребления. У лексемы *тщание* в интересующем нас значении фиксируются оттенки «забота, попечение, радение (по отношению к кому-, чему-либо)», «о духовном подвиге (подвижничестве)»⁶, «тщательность»; первое же значение слова – «поспешность, торопливость» (СлРЯ XI–XVII, вып. 30, с. 239–240), то есть актуализируется внешнее проявление усердия и старания, реализующихся в конкретных действиях. Семантические же компоненты значения лексемы *ревность* «горячее стремление», «пылкое усердие» актуализируют внутренне обусловленную необходимость тех или иных действий, настойчивое желание сделать что-либо или добиться чего-либо, чувственное переживание потребности осуществить что-либо. Акцент на «стремлении, настойчивом желании» сохраняется и в отмеченном оттенке значения «стремление защитить, поддержать»; в качестве же второго значения слова фиксируется «стремление брать пример с кого-л., подражать, соревноваться» (СлРЯ XI–XVII, вып. 22, с. 129–130).

Еще более наглядно рассматриваемая оппозиция внешнего проявления действия и внутренней его мотивации представлена в паре (*без*) *обману* и *лукавства*. Лексема *обман* отличается широкой лексической и синтаксической сочетаемостью; в первом значении определяется как «сознательное введение кого-л. в заблуждение; ложь, неправда; лживые слова, поступки» (СлРЯ XVIII, вып. 16, с. 7). Слово производно от глагола *обмануть*, характеризующегося обязательной объектной валентностью (*обмануть кого*), актуальной для всех его значений: «умышленно ввести в заблуждение», «внушить ошибочное, ложное представление о чем-л.», «изменить, нарушить верность (мужу, жене, возлюбленному)», «обольстить, соблазнить, обесчестить» (СлРЯ XVIII, вып. 16, с. 8–9). Как видим, обман связан с вербальным или акциональным действием. *Лукавство* дается в словаре с пометой «слав.» («славянское, славянизм») и имеет два значения: 1) «коварство, хитрость, обман»; 2) «зло, несправедность; все дурное», выходящее из употребления (СлРЯ XVIII, вып. 11, с. 241). *Лукавство* вербализует не действие, а свойство по значению прилагательного *лукавый*. Показательным является

и отсутствие обязательной объектной валентности у однокоренного глагола *лукавить* «хитрить, обманывать; поступать коварно, несправедливо», который формально также может считаться производящим для лексемы *лукавство* (СлРЯ XVIII, вып. 11, с. 240). Яркой иллюстрацией к лексикографическому анализу двух синонимов, отражающей вектор отношений между *лукавством* как внутренним свойством и *обманом* как внешним его проявлением, может служить пословица *Где лукавство, тут и обманство* (СлРЯ XVIII, вып. 11, с. 241).

Выводы

Гетерогенное многообразие и функциональная обусловленность, комбинирование языковых средств в зависимости от замысла и установок законодателей – яркие черты языка Морского устава, свидетельствующие о серьезной работе над языком устава как юридического документа, над такими характеристиками текста, как аргументативность, императивность и суггестивность, определяющими его информационную насыщенность, императивную тональность и воздействующую силу. Поиск новых принципов отбора и использования языковых средств, соединение черт официально-правового документа и риторических приемов определяли магистральные процессы выработки новых норм языкового употребления.

О Морском уставе 1720 г. можно говорить как о своеобразном военно-морском тезаурусе с дифференцированным способом включения терминов, в большей части заимствованных, в языковое пространство текста.

Тенденция к функциональной дифференциации обнаруживается в использовании средств выражения модальности должностования, учитывающем семантико-стилистический потенциал конкурирующих лексических модификаторов и коммуникативно-прагматические потребности законодательства.

Немаловажной оказывается установка на языковую экспликацию двух взаимосвязанных аспектов, ключевых для картины мира служащих, – внешней стороны исполнения обязанностей и соблюдения порядка и их внутренней мотивации, опирающейся на духовно-нравственные устои.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В самом уставе об этом говорится так: *Которое выбрано из пяти морских регламентов, и к тому довольно часть прибавляли что потребно* (Книга УМ, Преамбула).

² По данным «Словаря русского языка XVIII века», первое упоминание слов *авангард* (в форме *авангарда*), *арьергард* (в форме *ариргарда*), *дивизия* (*дивизия*, *дивизиа*) относится к 1705 г. (СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 12, 89; вып. 6, с. 126), *консилия* – к 1695 г. (СлРЯ XVIII, вып. 10, с. 140).

³ Выделение в цитируемых фрагментах Морского устава 1720 г. наше. Графика приводится в соответствии с современной кириллицей. Буквы *ѣ* и *ї* последовательно заменены буквами *е* и *и*. Пунктуация источника сохраняется.

⁴ *Потентант* здесь «державный государь», «властитель». В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» зафиксирован иной фонетико-орфографический вариант заимствования – *потентать* (СлРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 288).

⁵ Следует отметить, что аналогичные требования к профессиональным и моральным качествам командующего армией предъявляются также в Воинском уставе 1716 года.

⁶ Речь идет о деятельном аспекте: о подвижничестве в пещере, о молитвенном служении Богу день и ночь (СлРЯ XI–XVII, вып. 30, с. 240).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишин М. О., 2020а. Юридический язык Морского устава 1720 г. // Ленинградский юридический журнал. № 3 (61). С. 6–23.
- Акишин М. О., 2020б. Морской устав 1720 г.: процедура разработки и законодательная техника // Ленинградский юридический журнал. № 4 (62). С. 8–30.
- Горбань О. А., Косова М. В., Шептухина Е. М., 2021. Структурная разметка деловых документов в диахроническом лингвистическом корпусе: проблемы и решения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 4. С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.1>
- Копосов Л. В., 2014. Заметки об одном официально-государственном документе второй половины XVIII в. // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. № 6. С. 14–18.
- Косов А. Г., 2004. Эволюция документных жанров XVIII века : На материале рукописных и печатных текстов Объединенного государственного архива Челябинской области : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск. 273 с.

- Кротов П. А., 2001. Об использовании датского образца права при подготовке русского Морского устава 1720 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы : материалы ежегод. науч. конф. (12–13 апр. 2000 г.). СПб. : РХГИ. С. 50–54.
- Майоров А. П., 2006. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М. : Азбуковник. 263 с.
- Никитин О. В., 2003. Язык указов Екатерины II 1762 г. и формирование официально-делового стиля в России XVIII в. // Филологические науки. № 6. С. 93–99.
- Ремнева М. Л., 2003. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М. : Изд-во Моск. ун-та. 336 с.
- Руднев Д. В., Пушкарева Н. В., 2021. Регламенты петровского времени в аспекте императивности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 4. С. 36–49. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.3>
- Русанова С. В., 2016. Термины *челобитная* и *прошение* в законодательных актах XVIII века // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб. : Наука. Т. 12, ч. 3. С. 705–716.
- Русанова С. В., 2019. Наименования просительных документов в законодательных актах и региональных документах XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. Т. 18, № 2. С. 16–26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.2>
- Садова Т. С., 2021. Слово «надлежит» в составе императивной формулы в тексте «Устава воинского» 1716 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 43, № 3. С. 8–16. DOI: [10.15393/uchz.art.2021.595](https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.595)
- Садова Т. С., Руднев Д. В., 2019. Кристаллизация деловой речи в Петровскую эпоху // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 5 (182). С. 43–47. DOI: [10.15393/uchz.art.2019.350](https://doi.org/10.15393/uchz.art.2019.350)
- Сальман Я. Г., 1955. Морской устав 1720 г. – первый свод законов российского флота // Исторические записки. М. : Изд. АН СССР. Т. 53. С. 310–322.
- Хуссен А. Х., 1999. Устав морской царя Петра Великого (1720 г.) // Русский Север и Западная Европа : сб. науч. ст. СПб. : Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ. С. 326–340.
- Чередниченко А. П., 1990. Выражение временных отношений в деловом языке XVIII века (к проблеме стабилизации синтаксической нормы) // Становление норм русского национально-го языка : межвуз. сб. науч. тр. Челябинск : Челяб. гос. пед. ин-т. С. 85–102.
- Шелестюк Е. В., 2008. Текстовые категории аргументативности, суггестивности и императивности как отражение способов речевого воздействия // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. № 30 (131). С. 170–175.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Книга УМ* – Книга Уставъ Морской о всемъ что касается доброму управленію, въ бытности флота на морѣ. СПб. : С.-Петербург. тип., 1720. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/kniga-ustav-morskoj-4>
- СлРЯ XI–XVII* – Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1975– . Вып. 17. 1991. 296 с. ; Вып. 22. 1997. 298 с. ; Вып. 30. М. ; СПб. : Нестор-История, 2015. 320 с.
- СлРЯ XVIII* – Словарь русского языка XVIII века. Л. : Наука, 1984– . Вып. 1. 1984. 224 с. ; Вып. 6. 1991. 256 с. ; Вып. 10. СПб. : Наука, 1998. 256 с. ; Вып. 11. 2000. 256 с. ; Вып. 16. ; 2006. 278 с.

REFERENCES

- Akishin M.O., 2020a. Yuridicheskiy yazyk Morskogo ustava 1720 g. [Legal Language of the Maritime Charter of 1720]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal* [Leningrad Legal Journal], no. 3 (61), pp. 6–23.
- Akishin M.O., 2020b. Morskoy ustav 1720 g.: protsedura razrabotki i zakonodatel'naya tekhnika [Maritime Charter of 1720: Development Procedure and Legislative Equipment]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal* [Leningrad Legal Journal], no. 4 (62), pp. 8–30.
- Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., 2021. Strukturnaya razmetka delovykh dokumentov v diakhronicheskom lingvisticheskom korpuse: problemy i resheniya [Structural Markup of Official Documents in Diachronic Linguistic Corpus: Problems and Solutions]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 4, pp. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.1>
- Koposov L.V., 2014. Zametki ob odnom ofitsialnogosudarstvennom dokumente vtoroy poloviny XVIII v. [Notes on One Official State Document of the Second Half of the 18th Century]. *Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya*

- [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], no. 6, pp. 14-18.
- Косов А. Г., 2004. *Evolyutsiya dokumentnykh zhanrov XVIII veka: Na materiale rukopisnykh i pechatnykh tekstov Obyedinennogo gosudarstvennogo arkhiva Chelyabinskoy oblasti: dis. ... kand. filol. nauk* [Evolution of Document Genres of the 18th Century. On the Material of Manuscript and Printed Texts from the United State Archive of the Chelyabinsk Region. Cand. philol. sci. diss.]. Chelyabinsk. 273 p.
- Krotov P.A., 2001. Ob ispolzovanii datskogo obraztsa prava pri podgotovke russkogo Morskogo ustava 1720 g. [On the Use of the Danish Model of Law in the Preparation of the Russian Maritime Charter of 1720]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoy Evropy : materialy ezhegod. nauch. konf. (12–13 apr. 2000 g.)* [Saint Petersburg and Nordic Countries. Proceedings of the Annual Scientific Conference (April 12–13, 2000)]. Saint Petersburg, RHGI, pp. 50-54.
- Mayorov A.P., 2006. *Ocherki leksiki regionalnoy delovoy pismennosti XVIII veka* [Essays on the Vocabulary of Regional Business Writing of the 18th Century]. Moscow, Azbukovnik Publ. 263 p.
- Nikitin O.V., 2003. Yazyk ukazov Ekateriny II 1762 g. i formirovanie ofitsialno-delovogo stilya v Rossii XVIII v. [The Language of Decrees of Catherine II in 1762 and the Formation of Official Business Style in Russia in the 18th Century]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], no. 6, pp. 93-99.
- Remneva M.L., 2003. *Puti razvitiya russkogo literaturnogo yazyka XI–XVII vv.* [Ways of Development of the Russian Literary Language in the 11th – 17th Centuries]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 336 p.
- Rudnev D.V., Pushkareva N.V., 2021. Reglamenti petrovskogo vremeni v aspekte imperativnosti [Regulations of Peter the Great in the Aspect of Imperativeness]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 4, pp. 36-49. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.3>
- Rusanova S.V., 2016. Terminy chelobitnaya i proshenie v zakonodatelnykh aktakh XVIII veka [The Terms Chelobitnaya ‘Humble Petition’ and Prosheniye ‘Plea, Application, Solicitation’ in Russian Legislative Acts of the 18th Century]. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies], vol. 12, part 3. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 705-716.
- Rusanova S.V., 2019. Naimenovaniya prositelnykh dokumentov v zakonodatelnykh aktakh i regionalnykh dokumentakh XVIII veka [Headings of the Pleading Documents in Russian Legislative Acts and Regional Business Writing of the 18th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 2, pp. 16-26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.2>
- Sadova T.S., 2021. Slovo «nadlezhit» v sostave imperativnoy formuly v tekste «Ustava voinskago» 1716 goda [The Word “nadlezhit” as Part of the Imperative Formula in the Military Charter of 1716]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], vol. 43, no. 3, pp. 8-16. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.595
- Sadova T.S., Rudnev D.V., 2019. Kristallizatsiya delovoy rechi v Petrovskuyu epokhu [Crystallization of Formal Speech in the Petrine Era]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], no. 5 (182), pp. 43-47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350
- Salman Ya.G., 1955. Morskoy ustav 1720 g. – pervyysvod zakonov rossiyskogo flota [The Maritime Charter of 1720 is the First Set of Laws of the Russian Fleet]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes]. Moscow, Izd. AN SSSR, vol. 53, pp. 310-322.
- Hussen A.H., 1999. Ustav morskoy tsarya Petra Velikogo (1720 g.) [Maritime Charter of Peter the Great (1720)]. *Russkiy Sever i Zapadnaya Evropa: sb. nauch. st.* [Russian North and Western Europe. Collection of Scientific Articles]. Saint Petersburg, Rus.-Balt. inform. tsentr BLIC, pp. 326-340.
- Cherednichenko A.P., 1990. Vyrazhenie vremennykh otnosheniy v delovom yazyke XVIII veka (k probleme stabilizatsii sintaksicheskoy normy) [Expression of Temporal Relations in the Business Language of the 18th Century (To the Problem of Stabilizing the Syntactic Norm)]. *Stanovlenie norm russkogo natsionalnogo yazyka: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Formation of the Norms of the Russian National Language. Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Chelyabinsk, Chelyab. gos. ped. in-t, pp. 85-102.
- Shelestyuk E.V., 2008. Tekstovye kategorii argumentativnosti, suggestivnosti i imperativnosti kak otrazhenie sposobov rechevogo vozdeystviya [Textual Categories of Argumentativeness, Imperativeness and Impact as a Reflection of

Speech Influence]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art Studies], no. 30 (131), pp. 170-175

SOURCES AND DICTIONARIES

Kniga Ustav Morskoy o vsem chto kasaetsya dobromu upravleniyu, v bytnosti flota na more [Book Maritime Charter About Everything Related to Good Management When the Fleet Is at Sea]. Saint Petersburg, S.-Peterb. tip., 1720. URL:

<https://kp.rusneb.ru/item/reader/kniga-ustav-morskoi-4>

Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975–; Iss. 17. 1991. 296 p.; Iss. 22. 1997. 298 p.; Iss. 30. Moscow, Saint Petersburg, Nestr-Istoriya Publ. 2015. 320 p.

Slovar russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1984–; Iss. 1. 1984. 224 p.; Iss. 6. 1991. 256 p.; Iss. 10. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1998. 256 p.; Iss. 11. 2000. 256 p.; Iss. 16. 2006. 278 p.

Information About the Author

Svetlana V. Rusanova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Philology, Novosibirsk State Technical University, Prosp. K. Marksa, 20, 630073 Novosibirsk, Russia, rusanowa_7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3451-6892>

Информация об авторе

Светлана Владимировна Русанова, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет, просп. К. Маркса, 20, 630073 г. Новосибирск, Россия, rusanowa_7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3451-6892>